

У детей занижено чувство опасности и при этом усилена страсть к приключениям — они безрассудны, а стало быть, и бесстрашны. Даже смерть, слоняющаяся совсем рядом, не пугает их. Не зря же говорят, что за каждым подвигом стоит или разгильдяйство, или безрассудство. По крайней мере это утверждение полностью справедливо по отношению к моему небольшому детскому подвигу...

Мои детство и юность прошли в Краснодаре. На самой его окраине. Я жил в микрорайоне, который стоял прямо на берегу реки Кубани. Местные жители называли микрорайон «посёлком» — настолько он не был похож на часть краевого центра, которым был и остаётся Краснодар. А когда кто-то ехал в центр, скажем, на рынок, то говорил: «Поеду в город».

От окраины нашего посёлка начиналась неровная грунтовая дорога. С одной её стороны были огороженные колючей проволокой поля научно-исследовательского института, а с другой — берег реки. Чуть дальше от посёлка между рекой и дорогой возникала лесистая пойма, разрезанная множеством тропинок. Этот лес в некоторых местах был довольно густым, с деревьев свисали лианы. Но заблудиться в нём было невозможно — куда бы ты ни пошёл, рано или поздно выйдешь либо к реке, либо к дороге. Однако нам — детям — этого леса хватало на целый день серьёзных и весьма опасных приключений: мы совершали экспедиции, летом купались, к Восьмому марта приносили своим мамам первоцветы, синенькие такие, мелкие цветочки, по-научному — пролески... Недалеко от берега было несколько островов — заросших травой и деревьями кос. Один назывался то ли Свинячим, то ли Свинечным, старожилы не могли договориться по этому поводу, другой — почему-то Третьим. Информацию о том, существовали ли когда-нибудь Второй и Первый, история не сохранила. Ещё один остров не назывался никак, возможно, он и являлся когда-то одним из них. До Третьего острова можно было добраться по песчаной дамбе, до других — только вплавь.

Наша компания состояла из четырёх человек. Заводилу звали Денис. Хоть он и был на

год младше остальных трёх, он признавался ими как авторитет. Денис тогда учился, кажется, во втором классе, а мы соответственно в третьем. Отца у него не было, а мать водила туристические группы по Кавказу. Он жил с бабушкой и старшей сестрой и весь день оказывался предоставлен сам себе. В нашем пятиэтажном четырёхподъездном доме все его звали «Дикий Денис». Он был настоящим героем, отчаянным смельчаком. Самый быстрый, самый ловкий, самый лихой. Я старался ни в чём ему не уступать, но какой-то лихости мне всё же не доставало, сказывалось интеллигентское воспитание, родители — научные сотрудники. Вовка тоже тянулся за нами, но поспевал не всегда. Игоря можно было бы считать несколько трусоватым, но теперь-то я понимаю — просто он был более всех нас ранимым... При этом он часто проявлял изрядную хитрость. Себе на уме, он даже внешне походил на эдакого лисёнка. А вот Вовка был прямым и открытым и из-за этого частенько страдал. Он носил очки, и над ним по этому поводу часто издевались.

Все мальчишки в посёлке играли в «банки». Правила этой игры довольно сложны. У всех игроков — палки. Кто уж себе какую вырежет. На половинку кирпича ставилась жестянка из-под кабачковой икры или зелёного горошка. Один из игроков

её стережёт, это называлось — «мается». Остальные по очереди кидали палки, стараясь сбить банку с кирпича, а потом бежали гурьбой за своими палками. Цель «сторожа» — вернуть жестяную мишень на место, а потом не только «замаять», то есть коснуться палкой игрока, но самому же сбить банку с кирпича. Тогда тот, до кого дотронулись, становился «мающимся». Существовала сложная система позаимствованных у картёжников «званий», которыми награждались игроки — в зависимости от того, сколько раз сбили банку... Валет, дама, король, туз, а потом почему-то — император. Кого-то можно маять с палкой в руке, кого-то — без неё, кто-то был уязвим до черты с банкой, кто-то — за ней... Если «мающийся» оказывался недостаточно ловок, он мог оставаться при банке до поздней ночи. Если же ему нужно было домой, его «катали на красном коне» — сажали верхом на несколько палок и сильно трясли. Было довольно больно... Вовку часто «катали на красном коне», катали до слёз. Очки летели на траву, потом туда же под общий хохот летел и сам «наездник»... В общем, парню часто доставалось от мальчишек посёлка. Его дразнили Вова-незадача.

А ещё мы четверо играли в индейцев. Нет, не так. Мы были индейским племенем. Денис признавался всеми как вождь, я — как шаман. Игорь и Вовка являли

собой всё остальное племя. Луки мы делали из молодой поросли гледичии. Есть на юге такое дерево — у него абсолютно ровный ствол, и прямо из него растут багрово-малиновые острые колючки, а ветви начинаются где-то высоко — для лука лучше не придумаешь. Стрелы мы делали из рогаза. К одному концу крепили наконечник из срезанной с консервной банки и свёрнутой конусом жести, а в другой вклеивали подрезанное перо — чаще всего грача. Правда, гледичию в посёлке называли «акацией», рогоз — «камышом», а грача — «вороной». Кстати, пасхальный кулич там называли и, вероятно, называют до сих пор «пасхой». Разница в том, что творожное кушанье, называемое пасхой в средней полосе России, на Кубани не делали, а вот настоящие акация, камыш и грач там всегда водились. Ну, это к слову...

Вот такое у нас было племя: Дикий Денис, Вова-незадача, Игорёк и я. Меня звали Длинный — за высокий рост и худобу. У меня был отличный ярко-оранжевый лук — такой цвет приобретает кора гледичии, когда хорошо подсыхает. Он легко добивал до балкона пятого этажа, а то и выше. Тогда у нас вообще высота чего-либо измерялась пятиэтажками...

Но однажды нам наших луков показалось мало. Денис то ли сам смастерил, то ли раздобыл где-то самопал. В других районах их

ещё называли «поджигами», но у нас — самопалами. Стальная трубка загибалась с одного конца, и в неё заливалось немного расплавленного свинца — для надёжности. Получившееся дуло крепилось на приклад, выпиленный из доски. Возле сгиба делался пропил. Самопал готов. В дуло забивался порох, потом засовывался комок газеты, который играл роль пыжа, за ним сыпалась дробь и — снова газетный пыж. Пропил присыпался серой от спичек. Всё, можно стрелять. Подноси спичку, отводи подальше руку и, желательно, зажмуривай глаза...

Испытывать самопал мы пошли на Кубань, подальше от жилья. Была зима, подморозило, и даже выпал нечастый в Краснодаре снег.

Рядом с нашим посёлком было два крупных НИИ, поэтому жили в нём в основном семьи научных сотрудников, так что особенного хулиганства не было. Но рядом был комбинат строительных материалов, в просторечии рубероидный завод, с соответствующим контингентом молодёжи. Рубероидских боялись. Хотя сейчас я вспоминаю, ну что они могли сделать? Ну дать пинка, ну отпустить затрепину, ну вывернуть карманы... Дралась тогда до «кровянки», не дольше, а поножовщины не было совсем. Беспредел, когда ходили стенка на стенку с топорами и цепями от бензопилы

«Дружба», начался гораздо позже. И всё же рубероидских боялись. Хотя если нечего взять, то и не особенно боялись... Но тогда у нас был самопал, и мы его терять никак не хотели. Поэтому всё связанное с ним мы тщательно попрятали на себе. Собственно, самопал мне как самому высокому засунули в рукав пальто. Дробь тоже досталась мне — как сейчас помню, я обнаружил дырочку в своей шапке-ушанке и засыпал туда мелкий боеприпас. Доставать её было труднее, чем засовывать, — остатки дроби потом долго пересыпались внутри моего головного убора... Порох где-то у себя спрятал Денис, а «пыжи», то есть попросту газету, схоронил за пазухой Игорь. Вовку почему-то обделили — ну не везло ему, что тут поделаешь. И мы пошли.

Сама Кубань-река полностью не замерзает никогда, но протоки между берегом и островами в тот год промёрзли основательно. Это открытие увлекло нас даже больше испытания самопала. Мы решили выйти на лёд. У берега он был слишком тонок, но мы нашли гатку. Так — в уменьшительно-ласкательной форме от устаревшего и диалектного слова «гать» — назывались на Кубани небольшие низкие причалы, сделанные из воткнутых в дно кольев, переплетённых прутьев, а также глины, заполнявшей пространство между ними. К гаткам можно было

причаливать на лодке, с них можно было рыбачить.

Гатка уходила от берега метров на пять—семь — там лёд уже был прочным. Этим мы и воспользовались. Мы ходили по льду между берегами и наслаждались этим приключением. На льду было много птичьих следов — грачей, уток, каких-то ещё птиц... А потом мы поссорились. С чего всё началось, я уже не помню. Наверное, Денис неудачно пошутил над Игорем. Тот обиделся и повернул назад. А мы остались веселиться на льду.

Игорь долго шёл вдоль берега, ища возможности миновать зону тонкого льда — от нашей гатки мы отошли довольно далеко. Потом он обнаружил вмёрзшую в лёд лодку и сошёл по ней на сушу. А мы в это время решили всё-таки испытать самопал. И не просто так, а с особой лихостью — выстрелить из него прямо в лёд у себя под ногами. Нас интересовало, что тогда будет...

Скажу сразу, мы этого так и не узнали. Вместе с Игорем на берег ушли наши «пыжи» — газета осталась у него. Вовка вызвался догнать обиженного приятеля — судя по всему, он с ним не поссорился — и вернуть недостающий элемент боекомплекта. Он побежал, а мы остались изучать следы на льду.

Время от времени мы посматривали: как там наши приятели. Игорь шёл по берегу, Вовка

догонял его по льду. Так продолжалось несколько минут. И вот очередной раз оторвав взор ото льда, я увидел такую картину. Уже на самых подступах к берегу Вовка поскользнулся. Его ноги как-то странно подлетели вперёд и вверх, он согнулся в воздухе примерно под девяносто градусов и, упав на пятую точку, ставшую вершиной этого угла, пробил лёд.

Жуткий, хриплый и абсолютно незнакомый крик разрезал зимнюю тишину. Спустя четверть века я помню его. «Пацаны! Тону!» — кричал Вовка. Мы с Денисом бросились к нему на помощь.

Игорь был совсем недалеко, Вовка почти догнал его, но их разделяла полоса тонкого льда. Ни лодки, ни гатки поблизости не было. Вовка пытался вылезти, подтягивался на руках, но лёд с треском колелся, и он опять уходил под воду с головой. Игорь бессильно бегал по берегу и причитал: «Вовочка, держись! Вовочка, держись, пожалуйста!»

Бежать по льду, да в зимней одежде, было довольно трудно. Денис заметно вырвался вперёд — на мне было длинное пальто, а в рукаве злосчастный самопал. Когда мы подбежали, Вовка уже изрядно расширил свою полянью. Не ожидая спасения от Игоря, он ломал лёд по направлению к нам с Денисом, а это значит — на глубину. У Вовки

явно была истерика, и неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы расстояние между нами было больше.

Денис, конечно, подбежал раньше меня. Он не задумываясь протянул Вовке руку, дёрнул на себя и... начал сам уходить в поляню. Но тут подоспел я и схватил его за куртку. Ему пришлось бросить Вовку, который уже был совсем невменяем — он ломал лёд прямо у нас под ногами. «Самопал!» — крикнул я Денису и протянул ему оружие. Он сунул приклад Вовке, потянул за дуло, я потянул его за куртку. Когда мы вытащили Вовку на лёд, у него уже не было сил шевелиться. Он волочился, словно тряпица, приставшая к прикладу самопала. Вот ведь как пришлось его применить. Не выстрелило наше самодельное ружьё, но все же службу сослужило...

Больше приключений в тот день не было. Куда уже больше! Даже невезению Вовы-незадачи был предел. Вместе мы быстро нашли подходящую гатку, выбрались на берег и трусцой, чтобы не дать Вовке замёрзнуть, побежали домой. Родителям он сказал, что упал в лужу, — даже серьёзного скандала не было...

Наше племя просуществовало довольно долго. Однако через несколько лет мать Дикого Дениса получила квартиру в другом конце Краснодара, и он исчез с нашего горизонта. Да и мы уже

повзрослели — какие уж индейцы... Мы учились в старших классах, когда повесился Игорь. Он тоже рос без отца, жил с матерью в малосемейном общежитии. История тёмная, говорили разное — и про какие-то долги, и про наркотики... Мать лежала в больнице, он был один. Повесился на дверном косяке. Действительно странно — трудно себе представить щуплого восьмиклассника, который висит на короткой верёвке и держит ноги согнутыми в коленях, пока не наступит удушье. Как ни был он хитёр, а жизнь перехитрила его...

С Вовкой-незадачей мы доучились до десятого класса. Уже не так дружили, как прежде, но продолжали общаться до самых выпускных. Потом я уехал в Москву и поступил во ВГИК, а он с головой окунулся в перестроечный беспредел. Занимался мелким бизнесом, переходящим в криминал. Был довольно лих, женился на прекрасной блондинке. Потом вдруг резко уверовал в Бога и ушёл из криминала и бизнеса. Сейчас строит церкви и растит сына. Мы с ним иногда видимся, когда я оказываюсь в Краснодаре. Вову-незадачу не узнать. Крупный солидный мужчина, в машине диск с проповедями Андрея Кураева. Собственными руками строит церкви... Как будто он за детские годы избыл весь объём неудач, положенных ему на жизненном веку.

Однажды он мне рассказал про Дикого Дениса. Тот тоже женился, но неудачно — от этого запил. Как-то вернулся пьяный, жена его не пустила в дом — он начал ломиться, тёща вызвала милиционеров. Те так отделали его дубинками, что теперь он едва ходит и ещё хуже соображает. Переломали все руки-ноги, проломили голову. Вовка встретил его в церкви — мать привела в надежде на чудесное исцеление. Бывшего друга он не то чтобы не узнал — просто не заметил... Вовка за него

помолился. Как, наверное, он молится иногда и за покойного Игоря. Как, определённо, молится и за меня, безрезультатно ищущего в столице творческих успехов, не сумевшего построить семьи и оттого сильно пьющего... Иначе почему меня до сих пор хранит Бог? Его заслуга...

Чехов, конечно, прав. Это я как несостоявшийся драматург знаю хорошо. Но всё-таки прав он не совсем: не каждому ружью доводится выстрелить. Как часто порох юности не даёт вспышки. И наоборот.